

Неоглядная равнина от стальной далёкой щетины леса до голубой подковы небосклона пылала белым прохладным пламенем.

Георгий Гребенщиков

В нынешнем году – большой юбилей Константина Бальмонта, 150 лет со дня рождения. Казалось бы, о поэте, публицисте и переводчике известно немало. Его именем блистает Серебряный век русской культуры. Бальмонт открыл путь раннего символизма в поэзии. Биография и литературные связи хорошо изучены. Однако зарубежный, парижский период жизни – после революции 1917 года – остаётся за туманной завесой. Один из самых первых эмигрантских сборников назывался «Марев» (1922). Строчка из стихотворения «Жуть» вмещает трагические смыслы: «Бесконечность белой пелены». Здесь символ превращается в бытие, вечное скитание изгнанника. Или другое: «Люди строят, духи тоже строят, / В мареве родимая земля» («Из ночи»). Над Россией спустилась красная мгла...

Непроницаемая тишина бретонской ночи, тревожная неизвестность обусловлены отрывом от родных корней. А может быть, что-то личное скукоживает душу поэта в белёсый кокон?.. Дело вовсе не в бурных чувствах, которые нужно скрывать от посторонних глаз. Бальмонта опекают земные музы, венчаные и

гражданские. Дочь шуйского фабриканта Лариса Гарелина, на редкость образованная Екатерина Андреева, любительница поэзии Елена Цветковская, княгиня Дагмар Шаховская и ещё другие. Яркая звезда на поэтическом небосклоне – Мирра Лохвицкая... вспыхнула и погасла, умерла загадочно в расцвете лет. Все они – как быстрые луны вокруг светила. Но тайну поэта охраняет Лунная Дева, чарующая муза поэзии.

В глазах Бальмонта разгорятся солнца. Вся жизненная борьба, поэтическое творчество – это жажда Света. Неустанное сражение против тьмы ритмами стихов. В начале прошлого века появилась книга «Будем как Солнце» (1903), очень необычная и по названию, и по мироощущению. Автор добавил к заголовку слова «Книга символов». Солнце превращается в символ. Пламенеющая натура поэта стоит в центре мироздания. У него даже волосы необычные – то цвета переспелой, запёкшейся пшеницы, то огненно-рыжие, то золотистые – длинные, как солнечные лучи.

Константин Бальмонт стяжал славу романтика-символиста. Одни считали его импрессионистом в литературе, другие – декадентом. Образовался целый отряд юных поклонниц, называемых бальмонтистками. Мистический Брюсов писал о безраздельном господстве восторженного поэта в русской поэзии. А царственный Блок заметил: «Когда слушаешь Бальмонта – всегда слушаешь весну...». Поэзия выходит из своих берегов. На пике популярности Бальмонт уезжает путешествовать по миру. Семь лет странствий. Сначала Мексика и Европа, потом – Египет, Южная Африка, Австралия, Цейлон, Индия и даже экзотические острова Океании.

Диапазон Бальмонта как литератора расширяется. На передний план творчества выходит эссеистика, переводы, филологические трактаты. По возвращении в Россию, в 1913 году он берётся за обработку литературных памятников. Выходят в свет переводы на русский язык древнеиндийских Упанишад, драмы Калида-

Дорогому другу с сердечным приветием
Сергию Дмитриевичу Фёдорову
от любящего его
К. Бальмонта.
Париж. 1924 г.

сы, мифы Полинезии. Русская литература обогащается новыми сюжетами. Его примеру следуют собратья по цеху поэтов. Тогда же, в 1913-м Николай Гумилёв отправляется в Абиссинию, вдохновившую на изумительные «африканские» стихи и прозу. А двумя годами раньше Андрей Белый путешествует по Северной Африке и Палестине.

Взгляд издалека открывает Бальмонту потаённые смыслы русской литературы. На родине он много ездит по стране, читает лекции. Только человек с объёмным зрением, охватившим полмира, может сказать без сомнения: «Я люблю Россию и русских... Я верю в Россию, я верю в самое светлое её будущее».

Незадолго до Октябрьской революции Бальмонт возвращается к поэзии, хотя поэтическая муза не покидала его никогда, даже когда тяжело заболел и близился к угасанию. Лишь на исходе жизни действительно как бы замолк, в предстоянии перед вечностью. Слушали не его, слушал он. В революционное лихолетье выходит сборник «Сонеты солнца, мёда и луны» (1917), включивший более двухсот стихов. Они написаны в особом лирическом диапазоне с использованием системы звуковых повторов. Слова подобраны в повторяющемся сочетании звуков. В самом названии книги присутствует экзистенциональное чувство всеобъемлющего солнечного бытия. Солнце, мёд и луна – все три слова передают ощущение цвета, как бы текучей, расплавленной желтизны.

Рецензии на сборник оказались самыми разными. Критика, наравне с удачными находками, усматривала в стихах обилие «банальных красотостей». Для одних от сонетов веяло свежестью, для других – стихи Бальмонта превратились в «остывшую золу». Слава часто бывает непостоянной, она напоминает быструю реку, уносящую всё то, что попадает на пути.

Солнце Бальмонта закатилось на Запад. Он принял Февральскую революцию, но отверг большевиков, революционный пафос и интернационал. В 1920-м году ему было выдано разрешение на отъезд из России вместе с семьёй сроком на один год. Нарком просвещения Луначарский устроил «командировку» по ходатайству литовского посла, поэта Балтрушайтиса. Примирение с советской властью равносильно смерти. В Москве Бальмонт изнемогал от голода и безысходности. Собирал деревянные колья от заборов, чтобы растопить печь и согреться. Отъезд в эмиграцию стал спасением. Один год превратился в долгое существование на чужбине. Из-за границы Бальмонт откровенно ругал большевиков. Такой мятеж, по утверждению Горького, отрезал

пути к свободе другим поэтам – Александру Блоку, Андрею Белому и Фёдорову Сологубу.

Во Франции Бальмонт оказался в среде русских писателей, близко сошёлся с Иваном Шмелевым, Александром Куприным, Борисом Зайцевым. Тесные братские узы – творческие и человеческие – связали его с Георгием Гребенщиковым, начинающим сибирским беллетристом, обласканным Горьким. В течение полутора лет поэт жил на берегу океана в провинции Бретань и лишь изредка выезжал в Париж, чтобы устроить свои литературные дела. В такие короткие поездки Бальмонт навещал Ивана Бунина, неизменного распорядителя литературных фондов, оказывающих материальную помощь бедствующим писателям. (Во второй половине 1920-го они жили даже в одном доме на улице Ренуар.) Встреча с Гребенщиковым произошла на квартире Буниных. Случилось это в январе 1921 года, через неделю после приезда писателя и его супруги Татьяны Денисовны в Париж из Константинополя. А когда в 1922-м Бальмонт ненадолго обосновался во французской столице, то уже часто встречался дома и в гостях с пленившим его душу сибиряком.

Первая встреча и знакомство всегда дают какое-то особенное впечатление, из глубин сознания поднимается правдивый образ, на мгновение показывается внутренний человек. Для Гребенщикова поэт Бальмонт – египтянин, и даже больше того, прекрасный, солнечный ликом фараон. Несколько строчек из дневника писателя: «У Бунина встретился с Бальмонтом. Он не столько недоступен, как думалось. Ещё очень свеж, с египетской бородкой фараона, он, пожалуй, красив» (3/16 янв. 1921). В тот вечер хозяин блистал остроумием в своей обычной манере и словом был выше Бальмонта. Он восседал за столом в красном халате, как бог Ра. (Накануне днём Бунин вышел в зелёном халате, Гребенщиков заносил ему книгу своих рассказов «Родник в пустыне»; халат оказался двусторонним и легко выворачивался наизнанку.) В гостях присутствовал журналист и критик Сергей Яблоновский. Обращаясь к нему, Бунин сказал, что прочитал «Войну и мир» раз сорок, а Бальмонт сознался, как впервые читал роман Толстого

К.А. БАЛЬМОНТЪ

ГОЛУБАЯ
ПОДКОВА

СТИХИ О СИБИРИ

ALATAS
SOUTH BURY, CONN.
U. S. A.

только в Париже, и эти дни были «самые светлые» после отъезда из России.

Ещё до личного знакомства Георгий Гребенщиков высоко оценил творчество Бальмонта, считал поэта носителем драгоценного «дара Божия». Живо откликался в печати на его произведения, написал очерки «Одна из тайн», «Бальмонт» и опубликовал в парижской газете «Слово» рецензию на упомянутый сборник стихов «Марево». Постепенно их знакомство переросло в дружбу, и началась она историей со «Змеем».

В «Современных записках» (1920, кн. 2) появилась поэма, точнее говоря, веночек сонетов Константина Бальмонта «Змей». Вещь неоднозначная по восприятию, «жуткая по своей красоте и силе», как выразился Гребенщиков, но написана она классическим пером символиста. Анализ на одиннадцати машинописных страницах посвящён даже не поэме как таковой, а личности поэта. Это размышления о рождении души из глубины народной скорби: «Бальмонта мог создать лишь русский народ». Но как это возможно вылепить того, кто камлает стихи, подобно шаману, обнаруживая божественное естество?.. В океане человеческой энергии первородный Змей пахтает бытие. Суть поэта – это сила Змея, обвивающего телом «мироздание с его звёздами и межпланетными пустынями».

Благодарный Бальмонт высоко ценит дружеский порыв. С конца 1922 года в его письмах часто упоминается «сибирский друг». Поэт писал: «С Гребенщиковым у меня настоящая дружба. Мне нравится, когда он, полузакрывая глаза, как лесной зверь, погружается в далёкие воспоминания детства...» (11.03.1923). Звериный стиль проникает в поэзию. Уже к концу февраля 1923-го записано два стихотворения, посвящённых Гребенщикову, причём одно из них сам автор считает «удивительным». Так он давно не говорил, сильно и ярко. Бальмонт перевоплощается в диких зверей. Лось и белка – антитеза героев, объединённых общим домом, таинственным и враждебным лесом. Эти герои живут внутри и управляют судьбой:

Душа – ответ. И мы не спросим,
Мы видим в чётких письменах,
Что там, где древле был ты лосем,
Я белкой в тех же был лесах.

Образы гонимых зверей ассоциируются со сварливым, жестоким миром русского зарубежья. Соперничество за место на лите-

ратурном олимпе, несправедливое распределение франков среди писателей, зависть таланту – такова эмигрантская реальность. Гребенщикова теснят из литературного сообщества собратья по перу. Бальмонт, испытывая дружбу, всё чаще удаляется из шумного Парижа на океанский берег. Мотив соперничества явно проступает в цитируемом стихотворении Бальмонта:

В тысячелетьях потонули
Тот лик, тот бор, тот день, тот час.
Тогда мы не дождались пули,
Теперь облава против нас.
Но в нас живёт душа живая.
И зыбим солнечный мы смех,
Ты – словом целину взрывая,
Я – в стих роняя красный мех.

Более трёх лет пребывания во Франции позволили Георгию Гребенщикову собрать обильную литературную жатву. Вышел в свет его знаменитый роман «Братья Чураевы» (1922), сначала в «Современных записках», а затем отдельным изданием. Стали поступать предложения о переводе произведений на европейские языки. Начался выпуск собрания сочинений писателя в шести томах. И наконец, шумный успех принесла «Былина о Микуле Буяновиче» (1924). Главный герой романа – крестьянский юноша Микула, который прошёл через тяжёлые испытания жизни, каторгу и гражданскую войну, воплощает самые светлые чаяния русского народа – мечту о строительстве Храма, рукотворного и нерукотворного. Бальмонт считал это произведение «литературным событием» (25.04.1924). Читающая публика тоже оценила «Былину» по достоинству. Спустя десять лет, когда Гребенщиков уже жил в Америке, из-за океана раздавались робкие голоса о выдвижении писателя на Нобелевскую премию по литературе (вместе с Буниным и Мережковским).

Что касается именно Бальмонта, то он всегда оставался поклонником творчества своего друга-сибиряка, общение давало ему «ощущение леса и Сибирских гор, сказочного Алтая» (14.03.1923). Поэт вёл большой литературный вечер Георгия Гребенщикова 30 октября 1923 года в парижском отеле «Мажестик». Рядом на председательском месте сидели Николай Рерих и Александр Куприн. Знакомство в Париже с Рерихом открыло новые горизонты. Вместе с ним Гребенщиков организовал на паях книжное издательство «Алатас» (в переводе с казахского языка

«Белый камень») и вскоре принял предложение художника переехать в Америку. Издательство, выпустившее «Былину» и книгу Алексея Ремизова «Звенигород Окликанный», продолжило свою деятельность при музее Рериха в Нью-Йорке.

Перед отъездом в апреле 1924 года Гребенщиков договорился с Бальмонтом о выпуске сборника его стихов «Линия Лада». За пять дней до отплытия океанского лайнера «Левиафан» поэт спешно переписывает рукопись, чтобы она оказалась в издательском портфеле. Рукопись действительно попала во «чрево морского чудища». Уже в Нью-Йорке сборник был подготовлен к печати, автору выплачена часть гонорара, но выпуск постоянно откладывался из-за финансовых трудностей. Издательство не смогло набрать обороты. В эмиграции русские книги постепенно перестали читать. «Линия Лада» осталась в архивных залежах Колумбийского университета. Бальмонт, как существо творческое, никогда не повторялся.

Некоторые книги «Алатас» всё же сумел выпустить: «Пути благословения», «Сердце Азии» Николая Рериха и тома эпопеи «Чураевы», а ещё философскую прозу «Гонец». Бальмонт сетовал в письме, говорил другу прямо в лицо: «Гребенщиков издаёт Гребенщикова» (02.01.1934). И здесь же соглашался, добавляя, мол «ладно, хороший писатель». Это письмо пришло в Америку после долгого перерыва, вызванного душевным недомоганием Бальмонта.

Отношения снова укрепились, и поэт получил в подарок от Гребенщикова пятый том эпопеи «Чураевы». Книгу с упоением читал несколько раз, восхищаясь полюбившимся местом про «голубую подкову небосклона». От восторга он был готов мысленно перелететь через океан, подойти к автору и поцеловать его «умный лоб». Ведь благодаря этому необычному образу родилась целая поэма, посвящённая Гребенщикову! Поэма называлась «Голубая подкова». И даже появился замысел книги стихов с тем же самым названием.

Ровно два месяца Бальмонт был в сладком плену, захва-

ченный романом, и, наконец, снова превзошёл себя. Он писал: «Третьего дня, ночью, я перечитал мои любимые страницы превосходной Вашей повести “Сто племён с Единым”. Снова сердце сжималось и билось. И снова брызнули у меня слёзы из глаз. Но это были уже счастливые капли росы. Радость творчества. В 11 часов ночи я начал писать “Голубую подкову”, в полночь пил чай с Еленой Константиновной, в половину второго поэма была кончена. Два часа душевного и духовного полёта. Спасибо, алтайский друг!» (12.05.1934).

Поэма Бальмонта написана в эпическом жанре, она как бы вторит роману, дышащему сибирскими и монгольскими легендами. Поэт выводит двух главных героев, которые перекочевали к нему от Гребенщикова, – это енисейский рыбак Чубек и тунгус Уйби-Кута. Они спешат на войну, каждый своими путями, их призвал царь. Какие-то авторские черты проскальзывают в этих героях, горящих божественным пламенем жизни:

От леса, где мы спим в разгуле звона,
Мы, мёртвые, среди бездушных плит,
До голубой подковы небосклона
Зажёгся вещей пламень – и горит.

Георгий Гребенщиков, чувствуя свой долг не только перед поэтом, но и всей зарубежной русской литературой, берётся издать на собственные средства сборник Бальмонта «Голубая подкова. Стихи о Сибири». Сборник вышел в свет в начале декабря 1935 года. Туда включены стихотворения и поздние, и ранние, написанные поэтом во время поездки по Сибири и Дальнему Востоку весной 1916-го. Иллюстрировал книгу русский художник Всеволод Ульянов, живший в Калифорнии. Удалось поместить всего две монохромные синие иллюстрации, где изображены Чубек и Уйби-Кута, хотя эскизов было сделано гораздо больше. Сборник «Голубая подкова» стал практически последней прижизненной книгой Бальмонта. Лишь в Китае усилиями почитателей издано «Светослужение» (Харбин, 1937), объёмом всего пять страниц, восемь стихотворений.

Голубая подкова – символ счастья, знак удачи. Можно сказать, небесной судьбы, которая соединила в эмиграции двух друзей, Бальмонта и Гребенщикова. Судьба – это игра случая, но среди эмигрантов категория случайности вещь закономерная. Неважно, Европа или Азия, где Христос звонит в колокол или Будда восседает на золотом троне. Русское зарубежье жа-

лось до размеров русского Парижа, русского Харбина и русско-го Нью-Йорка – там все знали друг друга, часто встречались на одном пяточке. Церковь, литературные вечера или просто посиделки в кафе, где лилось вино и стихи.

От «Голубой подковы» веет Серебряным веком. Это сродни «Бродячей собаке» в Петербурге. А быть может, и крылатому коню Пегасу, потерявшему подкову в синем небе. При первой встрече у Бунина, в его парижской квартире Бальмонт спрашивал собравшихся: «А как вам нравится мой меловой жеребёнок?». Гребенщикова поразило тогда словосочетание «прозрачен стук копыт». Будто бы конь не касался земли, и у него были воздушные, а не железные подковы. И всё-таки художников слова объединила земля, необъятная и бескрайняя Россия, без которой нет счастья. Будущая Россия...

Москва

Последние экземпляры

*«Сборника материалов конкурса
“Серебряный голубь России 2016”»*

(Изд. СПб ООК «Аврора», 2017 г., 448 с.)

можно заказать в редакции

по E-mail: tatmiles@mail.ru

или по телефонам:

8-905-285-67-52,

8-963-322-58-66.